

Кислородная эйфория

Новый фильм Ивана Вырыпаева надыхался Андрей Плахов

«КИСЛОРОД» столь же неровен, чрезмерен, агрессивен, идиосинкратичен (идеальный эпитет — английское слово *harsh*), как и кинодебют Ивана Вырыпаева «Эйфория». Тот, первый фильм произвел три года назад фурор на кинофестивалях — от Сочи до Венеции, заставив говорить о себе Марко Мюллера, Александра Роднянского и Гильермо дель Торо, но вызвав и протестную истерику. Интриговали энер-

периментом стоит знаменитый театральный спектакль. Поэтому главной заботой Вырыпаева было побороть сценическую природу этой вещи. Его союзниками (иногда коварными) стали

пал с родной сестрой. Ради главного артисты снимаются в кино, писатели пишут романы и учителя соблазняют учениц. Рэп, спиричуэлс, старые песни о главном, только на полном накале, без лицемерия, стеба и стилизации — вот «кислород», вот стихия Вырыпаева.

«Эйфория» вызвала у противников фильма подозрение, что неоварварство и экзотический экстрим нацелены на успех у западной аудитории. «Кислород», однако, заходит по пути провокаций, идейных и стилистических, слишком далеко,

чтобы быть повсеместно успешным. В картине высокая степень условности: вся она представляется собой поэтический монтаж текстов-заклинаний, которые произносят актеры Алексей Филимонов и Каролина Грушка, и сами по себе трудно совместимые (он — типовой герой городских окраин, она — красавица интеллектуалка).

гия и острый стиль, а решающим минус-фактором — даже для многих интеллектуалов — было отсутствие четкой гуманистической позиции.

Придя из театрального мира «новой драмы», Вырыпаев отнесся к работе в кино как к ритуальному акту, который, как выяснилось, возможен не только на сцене, но и в виртуальном пространстве экрана. Однако то, что сравнительно гладко проходило в элитарном кругу театра, сразу стало цеплять за нервные окончания публику в кинозалах: мат во всю глотку, отрезанный палец ребенка, подстреленная корова. И все это в связке с красками тихого Дона и тщательно выстроенными живописными композициями. Вот что разрывало сознание чувствительных зрителей: сценка чернухи и гламура, стихийности и маньеризма, цинизма и пафоса, в общем — нарушение эстетических законов, не только моральных, но и эстетических.

В «Кислороде» нарушений еще больше. В отличие от «Эйфории» за этим киноэкс-

клип и рэп: первый как способ монтажного мышления, второй — как лейтмотив сложнейшего саундтрека, требующего отдельного исследования. «Кислород» выдает стоящего за ним поэта-примитива-

ста. Вот выдержки из текстов Вырыпаева, вошедших и не вошедших в картину: «И собаку бьешь, и матери не звонишь по неделям, жене изменяешь только для главного. Как и царапины на руках, как и бессонница, как и матерные слова на гараже, как и любовь. Из-за главного священники становятся гомосексуалистами, а я из-за главного дважды перес-

«Кислород» — кино не для всех. Не для тех, кто после «Кинотавра» обвинил Вырыпаева в профанации православия. И не для тех, кто в Карловых Варах демонстративно ушел из зала в момент речитатива о евреях, из-за веры убивающих палестинских детей. Это кино для тех, кто ценит провокации и согласен с Вырыпаевым в том, что все мерзости этого мира творятся из-за самого главного.

В прокате с 30 июля